

Научная статья
УДК 328.1:396.9
<https://doi.org/10.24158/pep.2021.12.1>

Гендерное равенство в мире и карьерные возможности женщин в региональной политике в субъектах Российской Федерации

Юрий Дмитриевич Петров¹, Василина Павловна Лукина²✉

^{1,2}Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия

¹<https://orcid.org/0000-0003-0026-9766>

²vasilina0709@inbox.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-7361-6477>

Аннотация. В статье дана оценка гендерного равенства в разных странах, в том числе в России. Приведена информация о ситуации в странах, где достигнут наилучший уровень гендерного равенства по четырем индексам: образование, здравоохранение, экономическое участие и политические возможности женщин. Приводится анализ участия женщин в деятельности исполнительных, законодательных органов государственной власти регионов Российской Федерации, в том числе Республики Саха (Якутия). На основе собранной информации двадцати двух республик – субъектов Российской Федерации приведено сравнение количества женщин в составе правительств и парламентов республик. Выявлены регионы, где наиболее сильно отражено гендерное неравенство на руководящих постах государственной службы, приведены основные причины возникновения разницы соотношения женщин и мужчин в составе правительств и парламентов республик.

Ключевые слова: гендерное равенство, региональная политика, государственное управление, политическое лидерство, государственная кадровая политика, гендерная политика, женщины в государственном управлении, правительство, парламент.

Для цитирования: Петров Ю.Д., Лукина В.П. Гендерное равенство в мире и карьерные возможности женщин в региональной политике в субъектах Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 12. С. 13–19. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.12.1>.

Original article

Global gender equality and career opportunities for women in regional policy in the Russian Federation members

Yuri D. Petrov¹, Vasilina P. Lukina²✉

^{1,2}North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

¹<https://orcid.org/0000-0003-0026-9766>

²vasilina0709@inbox.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-7361-6477>

Abstract. The article provides an assessment of gender equality in different countries, including Russia. Information is provided on the situation in countries where the best level of gender equality has been achieved in four indices: education, health care, economic participation and political opportunities for women. The participation of women in the activities of the executive and legislative bodies of state power in the Russian Federation members, including the Republic of Sakha (Yakutia) was analyzed. A comparison is made of the number of women in the governments and parliaments of the republics based on the collected information from twenty-two republics – the Russian Federation members. The regions are identified where gender inequality is most strongly reflected in senior positions in the civil service, the main reasons for the emergence of the difference in the ratio of women and men in the government and parliaments of the republics are given.

Keywords: gender equality, regional policy, public administration, political leadership, state personnel policy, gender policy, women in public administration, government, parliament.

For citation: Petrov, Yu.D., Lukina, V.P. (2021) Global gender equality and career opportunities for women in regional policy in the Russian Federation members. *Society: Politics, Economics, Law.* (12), 13–19. Available from: [doi:10.24158/pep.2021.12.1](https://doi.org/10.24158/pep.2021.12.1) (In Russian).

На заре 2020-х годов построение более справедливой и инклюзивной экономики должно стать целью глобальных, национальных и отраслевых лидеров. Для достижения этой цели решающее значение будет иметь обеспечение гендерного равенства в сфере управления, образования, здравоохранения, политики.

В политической сфере в Ежегодном рейтинге гендерного равенства, который формируется Всемирным экономическим форумом, Россия занимает 122 место из 153, отстав от Монголии, Казахстана, Армении, Грузии, Бангладеша и других стран. Рейтинг возглавили Исландия, Норвегия и Никарагуа¹.

Исландия в 11 раз подряд стала самой равноправной страной в мире. Глобальный индекс гендерного равенства был впервые представлен Всемирным экономическим форумом в 2006 году в качестве основы для оценки масштабов гендерного неравенства и отслеживания их прогресса с течением времени. Индекс оценивает национальные гендерные различия по экономическим, образовательным, медицинским и политическим критериям (Тебекин, 2017).

На сегодняшний день по-прежнему существует средний гендерный разрыв в 31,4 %, который еще предстоит ликвидировать во всем мире. Положительное увеличение среднего глобального балла приводит к тому, что несколько стран продвигаются к гендерному равенству (хотя часто медленными темпами): 101 из 149 стран, охваченных в 2020 году, увеличили свои баллы.

В среднем по четырем субиндексам самое большое гендерное неравенство наблюдается в политических возможностях. Второй по величине разрыв связан с экономическим участием и возможностями женщин. Прогресс в устранении пробелов в уровне образования и здоровья является более значительным.

Что касается субиндекса расширения политических прав и возможностей, то 108 стран из 149, охваченных в 2020 году, улучшили свои общие показатели, главным образом благодаря значительному увеличению числа женщин в парламентах по сравнению с последней оценкой, проведенной год назад. Примечательно, что в некоторых странах, таких как Латвия, Испания и Таиланд, число женщин в парламенте существенно возросло. Тем не менее, в глобальном масштабе женщины занимают только 25 % мест в парламентах, и только 21 % из 3 343 министров – женщины, а в некоторых странах женщины вообще не представлены ни в исполнительной власти (в правительствах), ни в законодательной власти (в парламентах). Кроме того, в 85 из 153 стран, участвовавших в рейтинге за последние 50 лет, никогда не было женщины-главы государства.

Разрыв в уровне образования между мужчинами и женщинами в среднем относительно невелик, но всё еще существуют страны, в которых инвестиции в развитие талантов женщин недостаточны. В то время как в 35 странах было достигнуто гендерное равенство в области образования, нескольким развивающимся странам еще предстоит ликвидировать более 20 % разницы. 10 % девушек в возрасте 15–24 лет в мире неграмотны, причем большая их доля приходится на развивающиеся страны.

К настоящему времени Российская Федерация занимает 81 место в целом по итогам оценки четырех индексов в 2020 году. Что касается уровня образованности, в нашей стране по статистике средний уровень образованности женщин выше, чем средний уровень образованности мужчин. Из числа российских женщин 91 % посещают среднюю школу, из числа мужчин – 90,4 %. После окончания средней школы 89 % женщин дальше обучаются в высших учебных заведениях, когда как среди мужчин этот показатель составляет 75 %. Мужчин и женщин, имеющих докторскую степень, примерно одинаковое количество (64 % женщин и 66 % мужчин). Таким образом, в России женщины на высоком уровне участвуют в трудовом процессе (68,9 % на рынке труда), а также заняты на квалифицированных должностях в большей степени, чем мужчины (62,3 % работников на квалифицированных должностях – женщины). Однако, несмотря на данные показатели, у женщин по-прежнему финансовые доходы намного меньше, чем у мужчин. Неравенство в доходах объясняется несколькими факторами, одним из которых является то, что на рабочих местах женщины чаще мужчин сталкиваются с отсутствием доступа к руководящим должностям. Например, в нашей стране только 7 % членов совета директоров крупных компаний – женщины². Участие в политической жизни страны или региона для женщин еще сложнее. За последние десятилетия Россия сократила разрыв в политических возможностях мужчин и женщин менее чем на 10 % и занимает лишь 122 место в этом субиндексе. В нашей стране со времен Екатерины II (XVIII век) уже более 200 лет на посту главы государства не было женщины. Кроме того, в современной России среди федеральных министров женщин всего лишь 12,9 %, а среди членов Госдумы женщины-депутаты составляют 15 %. Таким образом, несмотря на то, что в России женщины получают широкий доступ к образованию, именно «стеклянный потолок» не позволяет большинству из них занять руководящие должности ни в политике, ни в бизнесе.

¹ Global Gender Gap Report 2020 [Электронный ресурс] // The World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (дата обращения: 08.12.2021).

² Статистический анализ социально-демографических факторов гендерных различий на рынке труда [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/364840822> (дата обращения: 08.12.2021).

Исландия в очередной раз стала страной, в которой прогресс в достижении гендерного равенства является наиболее продвинутым, страна сократила почти 88 % своего гендерного неравенства, на 3,5 процентных пункта опередив занявшую второе место Норвегию. Она полностью ликвидировала пробелы в образовании и уровне здоровья женщин, и по-прежнему занимает лидирующие позиции в участии женщин в политическом управлении. В Исландии за последние 50 лет 22 женщины возглавляли страну, кроме того в парламенте женщины представлены в значительном количестве – 38,1 %, а в правительстве страны среди министров женщин 40 %. По показателям экономического участия женщин Исландия занимает второе место в мире, женщины в стране часто занимают руководящие и управленческие должности – 41,5 % руководящих и старших должностей. В крупных компаниях более 40 % членов правлений – женщины. Одной из причин таких показателей является то, что в стране женщины после рождения ребенка выходят на работу раньше, чем принято в других странах, так как в Исландии не практикуются те меры поддержки в отношении отпуска по уходу за ребенком, которые существуют в других странах (например, женщины получают только 68 % своей заработной платы во время отпуска по беременности и родам, в то время как в Норвегии она составляет 94 %, в Швеции – 77,6 %, во Франции – 90 %).

Норвегия, занявшая 2 место в общем рейтинге, сохраняет свою позицию и еще больше сокращает гендерное неравенство. К 2020 году Норвегия сократила 84,2 % своего общего гендерного неравенства, что почти на 1 процентный пункт больше, чем сообщалось в 2019 году. Страна уже полностью закрыла свои пробелы на уровне образования, здравоохранения, в то время как разрывы в экономическом участии, возможностях и политических возможностях составляют 79,8 % и 59,8 % соответственно. В первом случае женщины почти равны мужчинам в том, что касается участия в трудовом процессе (94,5 % женщин на 100 % мужчин), и среди профессиональных работников женщин больше, чем мужчин. Однако женщины по-прежнему значительно реже занимают руководящие должности, чем мужчины (доля женщин и мужчин на руководящих должностях составляет 35,6 % на 64,4 %). Кроме того, по-прежнему необходимо заполнить 26 % и 21 % разрывов в заработной плате и доходах. Что касается расширения политических прав и возможностей, то, Норвегия в целом занимает 2 место: женщин-парламентариев – 40,8 %, министров – 42 %.

Мировой опыт свидетельствует, что принятие временных специальных мер не нарушает демократических принципов, а служит выравниванию стартовых позиций женщин и мужчин, является ступенью к подлинному равенству. Например, в Норвегии партии сами приняли квоты без внесения изменений в законодательство. Партии Sosialistisk Venstreparti, Senterpartiet и Kristelig Folkeparti установили нижний предел для одного пола в списках кандидатов в объеме 40 %. А Det Norske Arbeiderparti установила 50 % квоту с уточнением, что на первых двух местах в каждом списке должны быть представлены оба пола (Петров и др., 2020). В результате такой политики представительство женщин в парламенте Норвегии составляет около 41 % (70 из 169)¹.

Прогресс Соединенных Штатов в достижении гендерного равенства застыл, и страна регистрирует не изменяющийся общий показатель по сравнению с 2019 годом. Из-за отсутствия прогресса Соединенные Штаты потеряли две позиции в рейтинге и в 2020 году занимают 53 место. Застой в основном объясняется небольшим сокращением экономического участия женщин и возможностей, когда прогресс в направлении равной заработной платы отступает на шаг назад, и в то же время разрыв в доходах остается большим. До сих пор Соединенные Штаты закрыли только 69,9 % своего неравенства в заработной плате и 65,6 % своего неравенства в доходах. В то время как денежные различия являются основным источником гендерного неравенства на рабочем месте, участие в рабочей силе и присутствие женщин на квалифицированных и руководящих должностях относительно лучше: 66,8 % взрослых женщин работают на рынке труда, при равном разделении между мужчинами и женщинами в технических профессиях и разделении 41/59 между старшими должностями, занимая 22 место. Несмотря на то, что американские женщины относительно хорошо представлены на должностях среднего и высокого уровня, они все еще борются за то, чтобы занять самые высокие позиции в бизнесе: только 21,7 % членов совета директоров корпораций – женщины. Аналогичным образом, женщины недостаточно представлены на должностях политического руководства. Даже при значительном увеличении числа женщин в парламенте и на министерских должностях по сравнению с предыдущими годами женщины-конгрессмены составляют лишь 23,6 % от имеющихся мест (67 место), а женщины-министры составляют лишь 21,7 % от кабинета министров (76 место). Кроме того, на сегодняшний день не было женщины-президента. В качестве позитивной ноты можно отметить, что гендерный паритет практически достигнут в области здравоохранения и образования.

Думаем, что при нынешних темпах изменений потребуется почти столетие, чтобы достичь равенства. Это сроки, которые мы просто не можем принять в современном мире глобализации,

¹ Gender quotas database [Электронный ресурс] // International Institute for Democracy and Electoral Assistance (International IDEA). URL: <https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas> (дата обращения: 08.12.2020).

особенно среди молодого поколения, которое придерживается все более прогрессивных взглядов на гендерное равенство.

Для анализа современного политического положения женщин в Республике Саха (Якутия) нами проведено сравнение количества женщин в статусе членов правительства и депутатов законодательных (представительных) органов в республиках Российской Федерации (таблица 1).

Таблица 1 – Количество членов регионального правительства и законодательных (представительных) органов в республиках Российской Федерации на 26.07.2021 г.

№	Субъект РФ	Правительство					Парламент				
		Председатель	Женщины		Мужчины		Председатель	Женщины		Мужчины	
			Чел	%	Чел	%		Чел	%	Чел	%
1	Кабардино-Балкарская Республика (СКФО)	м	0	0	21	100	ж	14	20	56	80
2	Карачаево-Черкесская Республика (СКФО)	м	2	8	24	92	м	7	14	43	86
3	Республика Адыгея	м	1	7	13	93	м	8	16	41	84
4	Республика Алтай	м	7	47	8	53	м	8	20	33	80
5	Республика Башкортостан	м	8	25	24	75	м	17	15	93	85
6	Республика Бурятия	м	6	24	19	76	м	7	11	58	89
7	Республика Дагестан (СКФО)	м	3	9	30	91	м	8	9	82	91
8	Республика Ингушетия (СКФО)	м	5	22	18	78	м	4	13	28	88
9	Республика Калмыкия	м	7	32	15	68	м	5	19	22	81
10	Республика Карелия	м	6	29	15	71	м	12	34	23	66
11	Республика Коми	м	10	42	14	58	м	9	30	21	70
12	Республика Крым	м	8	29	20	71	м	17	23	57	77
13	Республика Марий Эл	м	5	25	15	75	м	8	16	42	84
14	Республика Мордовия	м	3	17	15	83	м	7	15	41	85
15	Республика Саха (Якутия)	м	6	21	22	79	м	13	19	55	81
16	Республика Северная Осетия – Алания (СКФО)	м	2	9	20	91	м	9	13	61	87
17	Республика Татарстан	м	6	18	28	82	м	15	15	83	85
18	Республика Тыва	м	4	17	20	83	м	7	22	25	78
19	Республика Хакасия	м	6	29	15	71	м	7	14	43	86
20	Удмуртская Республика	м	6	26	17	74	м	8	13	52	87
21	Чеченская Республика (СКФО)	м	0	0	17	100	м	0	0	41	100
22	Чувашская Республика	м	4	25	12	75	ж	6	12	44	88

Из таблицы 1 мы видим, что во всех республиках страны и в органах исполнительной власти, и в органах законодательной власти количество женщин на руководящих должностях менее 50 %. Самое большое гендерное неравенство наблюдается среди членов правительств Кабардино-Балкарской Республики (0 женщин), Чеченской Республики (0 женщин), Республики Адыгея (1 женщина из 14 членов правительства), Карачаево-Черкесской Республики (2 женщины из 26

человек), Республики Дагестан и Республики Северная Осетия – Алания, где среди членов региональных правительств всего лишь 9 % – женщины. Из регионов, где женщин среди членов правительства больше 40 %, можно выделить Республику Алтай (47 % – женщины) и Республику Коми (42 %). Председателями правительств во всех 22 республиках являются мужчины.

В 22 республиках депутатами регионального уровня являются всего 196 женщин и 1 044 мужчин, 16 % и 84 % соответственно. Лишь в 2 из 22 республик депутатские корпуса возглавляют женщины – Кабардино-Балкарская Республика и Чувашская Республика. При этом в Чеченской Республике 100 % депутатов являются мужчинами. Низкий уровень количества женщин-депутатов наблюдается в Республике Дагестан, где лишь 8 из 90 депутатов – женщины. Максимальное количество женщин-депутатов достигнуто в Республике Карелия, где 12 из 35 мандатов отданы женщинам (34 %).

Исходя из собранной информации, можно сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве республик Российской Федерации как на уровне региональных правительств, так и на уровне региональных парламентов женщин на руководящих должностях катастрофически мало, особенно низкие показатели наблюдаются в республиках Северо-Кавказского федерального округа, где по сей день наблюдается сильная роль патриархальных гендерных установок в государственном управлении.

Формирование локального гендерного порядка в пределах отдельных территорий зависит от социокультурной, правовой, экономической и иной специфики (Силласте, 2019). В свою очередь, гендерная система в исламе закрепляет строгое определение особого места женщины, ее полную зависимость от мужчины (опекун, муж и др.) (Сиражудинова, 2021).

Советская политика «раскрепощения горянки» так и не смогла полностью пресечь похищения невест, выплату махара (калым). Однако она принесла значительные изменения в положение женщин, вывела их на политический и общественный уровень, пыталась обеспечить защиту и стабильность (регистрация в ЗАГС, помощь в обеспечении детей и т. д.). С развалом Советского Союза и ре-исламизацией населения гендерная система изменилась. Государство стало игнорировать проблемы гендерных взаимоотношений. Оно старается не замечать политику чеченского руководства по исламизации населения, принуждение к соблюдению нового арабизированного дресс-кода, модернизацию традиций, призывы к полигамии. В республиках наблюдается учет судьями адатов, шариата и менталитета народа, смягчение со стороны судов наказаний за убийства чести и похищения невест, игнорирование проблемы калечащих операций по отношению к девочкам и др. (Сиражудинова, 2021). «Возвращение» ислама на Северный Кавказ изменило гендерные отношения, вновь привнесло ограничения в статус женщин. Результаты мы видим в сравнительном анализе, приведённом в таблице 1, где наглядно видно низкое участие женщин в государственном управлении в республиках Северного Кавказа.

Как мы знаем, принцип равноправия полов в России закреплён в статье 19 Конституции Российской Федерации, согласно которой «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств»¹. Но несмотря на это, на практике мы видим, что карьерные возможности женщин в политике значительно отличаются от возможностей мужчин. Российские исследовательницы О.Г. Исупова и В.В. Уткина в своей статье (2018) рассматривают несколько теоретических моделей, с помощью которых можно объяснить позиции женщин на государственной службе. Так, ученые обращаются к концепции «стеклянного потолка», которая обуславливает распределение женщин в отдельных отраслях – социальной, культурной, в образовании и здравоохранении, в то время как наименее «женскими» остаются, например, силовые структуры и транспорт. «Стеклянный потолок» – это явление, когда при отсутствии формальных запретов занимать руководящие должности существует скрытая форма дискриминации женщин в продвижении по служебной лестнице. Данный эффект наблюдается даже в тех сферах, где женщины составляют подавляющее большинство наемных работников. Это вынуждает женщин быть в несколько раз профессиональнее своих коллег-мужчин, чтобы претендовать на высокую должность. «Стеклянный потолок» на государственной службе значительно крепче, потому что на ее высших и главных должностях речь идет не просто о престиже и доходах, а о государственной власти, доступе к разработке и принятию политических решений, реальному управлению государством (Кашина, 2018). В связи с этим шансы на вертикальную карьеру в государственных органах (особенно в областях, не связанных с социальной политикой) у женщин ниже, чем в любой другой сфере занятости. Понимая это, женщины сами снижают уровень своих карьерных и экономических притязаний, отдавая приоритет другим преимуществам гражданской службы (например, социальной защищенности) (Кашина, 2009).

¹ Конституция Российской Федерации.

Вторая теоретическая модель, которую, как правило, используют авторы, изучающие женщин на рынке труда, – это анализ влияния гендерных стереотипов. Они предписывают женщинам такие черты, как уступчивость, склонность согласовывать интересы в противопоставление «мужским» – жесткости, твердости, смелости при принятии решений. Исследователи отмечают, что эти стереотипы разделяются значительным числом госслужащих обоих полов, в том числе при принятии решений о приеме на работу и продвижении по службе (Исупова и др., 2018). По мнению О.Г. Исуповой и В.В. Уткиной, гендерные предрассудки делятся на предрассудки первого поколения (открытая и целенаправленная дискриминация или исключение женщин) и предрассудки второго поколения, когда происходит неосознанная дискриминация.

Итак, по итогам собранной информации, сравнения и анализа данных, можно сделать выводы о том, что:

1) на мировом уровне Россия находится в числе отстающих стран, обеспечивающих гендерное равенство в политической сфере;

2) в подавляющем большинстве республиках Российской Федерации как на уровне региональных правительств, так и на уровне региональных парламентов женщин на руководящих должностях катастрофически мало;

3) в обществах, где большинство населения исповедует ислам, гендерные системы могут значительно различаться (Сиражудинова, 2021): в частности, в республиках Северного Кавказа, кроме республики Ингушетия, в составах региональных Правительств женщин менее 10 %, в Кабардино-Балкарской Республике и Чеченской Республике на момент сбора данных женщины в Правительствах отсутствуют вовсе;

4) политическое положение женщин в Республике Саха (Якутия) относительно других республик – среднее, по количеству женщин-членов правительства региона Якутия находится на 13 месте из 22, по количеству женщин-депутатов в региональном парламенте – на 7 месте из 22;

5) «стеклянный потолок», когда при отсутствии формальных запретов занимать руководящие должности существует скрытая форма дискриминации женщин в продвижении по служебной лестнице, на государственной службе значительно крепче, и многие женщины вместо проявления амбиций на руководящие должности предпочитают оставаться на своих должностях.

Список источников:

Исупова О.Г., Уткина В.В. Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 3. С. 473–486. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-473-486>.

Кашина М. Гендерный ресурс государственной политики и управления в современной России: дисс. ... д-ра полит. наук. СПб., 2018. 548 с.

Кашина М. Женщины на российской государственной гражданской службе: феминизация и воспроизводство гендерной пирамиды // Женщина в российском обществе. 2009. № 2. С. 13–31.

Петров Ю.Д., Лукина В.П. Статусно-ролевые позиции женщин в государственном и муниципальном управлении в Республике Саха (Якутия) // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 6 (83). С. 12–16. <https://doi.org/10.24158/pep.2020.6.1>.

Силласте Г.Г. Социальные трансформации и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1>.

Сиражудинова С.В. Гендерная система мусульманского общества: на примере республик Северного Кавказа // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 56–67. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.5>.

Тебекин А.В. Основные источники стратегического развития национальной экономики // Стратегии бизнеса. 2017. № 8. С. 3–6.

References:

Isupova, O.G., Utkina, V.V. (2018) Young women in Russian public administration: the factors determining career paths. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki [Journal of Social Policy Research]*. (16:3). 473–486. Available from: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-473-486>. (in Russian)

Kashina, M. (2018) *Gendernyi resurs gosudarstvennoi politiki i upravleniya v sovremennoi Rossii* [Gender resource of public policy and management in modern Russia: PhD dissertation]. Saint Petersburg. (in Russian)

Kashina, M. (2009) *Zhenshchiny na rossijskoj gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe: feminizaciya i vosproizvodstvo gendernoj piramidy* [Women in the Russian Civil Service: Feminization and Reproduction of the Gender Pyramid]. *Woman in Russian society*. (2). 13–31. (in Russian)

Petrov, Yu.D., Lukina, V.P. (2020) Status and role positions of women in state and municipal government in the republic of Sakha (Yakutia). *Society: Politics, Economics, Law*. (6). 12–16. Available from: <https://doi.org/10.24158/pep.2020.6.1>. (in Russian)

Sillaste, G.G. (2019) Social transitions and the formation of a new gender order. *Woman in Russian society*. (2). 3–16. Available from: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1>. (in Russian)

Sirazhudinova, C.V. (2021) Gender strategy in Muslim society: the case of the North Caucasian republics. *Woman in Russian society*. (3). 56–67. Available from: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.5>. (in Russian)

Tebekin, A.V. (2017) The main sources of the strategic development of the national economy. *Business Strategies*. (8). 3–6. (in Russian)

Информация об авторах

Ю.Д. Петров – доктор политических наук, профессор кафедры «История, обществознание и политология», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=407405.

В.П. Лукина – аспирант кафедры «История, обществознание и политология», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1048163.

Information about the authors

Yu.D. Petrov – D.Phil in Political Science, Professor, History, Social Studies and Political Science Department, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=407405.

V.P. Lukina – PhD Student, History, Social Studies and Political Science Department, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1048163

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.11.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.11.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.12.2021.